

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

УДК 811.161.1 + 81'373.7 + 81'374 + 81'37

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Петров А.В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина

В статье рассматриваются собственные имена с точки зрения способности развивать вторичные значения, наследуемые из фразеологических оборотов, в состав которых они входят. Приводятся варианты словарных статей с онимами и их производными, разрабатываемых в электронном словаре отфразеологических дериватов русского языка.

Ключевые слова: *собственные имена (онимы), отфразеологический дериват, электронный словарь.*

The article deals with the ability of own names to develop secondary means, inheriting from set phrases, into which structure onims enter. The variants of vocabulary's definition with onims and their derivative, which are developed in the electronic dictionary of phraseological derivatives of Russian, are resulted.

Keywords: *own names, phraseological derivative, electronic dictionary.*

Функционально-грамматическая близость фразеологической единицы (далее ФЕ) и слова приводит к «своеобразной способности некоторых из них свертываться, т.е. формировать дериваты-слова и продуктивные производящие основы» [1, с. 11]. Ученые пришли к выводу, что отфразеологические производные отражают особенности взаимодействия разных языковых уровней, заполняют «ниши» в лексической системе языка, аккумулируют модально-оценочный потенциал всей ФЕ. Отфразеологические единицы расширяют синтаксическую сферу функционирования мотивирующих ФЕ, могут характеризоваться деривационной двунаправленностью, способны к дальнейшему деривационному и семантическому развитию и служат базой для новых ФЕ [2; 3]. В то же время собственные имена и их производные, мотивированные фраземами, не были предметом специального исследования.

Цель статьи – на материале художественных и публицистических текстов проанализировать антропонимы и их производные, мотивированные фраземами и развивающие коннотативные значения, а также проследить дальнейшее развитие некоторых привнесенных в лексику образов. Одной из задач исследования является необходимость изучения вопроса о том, какими референтными и эмоционально-экспрессивными коннотациями обладают собственные имена. Л.В. Щерба отмечал, что «дело хорошего

общего словаря – определить вторые, «нарицательные» значения собственных имен, и надо сказать, что дело это очень деликатное» [4, с. 279]. В 2004 году в Донецке вышел «Словарь коннотативных собственных имен», составленный проф. Е.С. Отиным. В предисловии к словарю исследователь отмечает, что «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [5, с. 5]. В интересующем нас аспекте в словаре рассмотрено гнездо с вершинной единицей *Содом*, вычленившейся из состава фраземы *Содом и Гоморра* [5, с. 315 – 317]. Производное наследует значения устойчивого сочетания (1. Суматоха, неразбериха. 2. Кутеж, разврат где-л.) и образует несколько словообразовательных пар *содом – содомный*, *содом – содомский*, *содом – содомиться*, *содом – содомит*, *содом – содомизм*.

Имена прилагательные, образованные от собственных имен, входят в состав устойчивых сочетаний типа *авгиевы конюшни*, *ариаднина нить*, *геркулесовы столпы*, *дамоклов меч*, *демянова уха*, *филькина грамота*, *тришкин кафтан*, *панургово стадо*, *буриданов осел*, *валаамова ослица*, *потемкинская деревня*, *прокрустово ложе* и др. Вычлениваясь из состава фраземы, адъективы концентрируют в себе значение устойчивого сочетания. Однако способностью к вычленению обладают не все компоненты идиом [6]. Ср.: *прокрустово ложе* «то, что является мерилем чего-л., к чему насильственно подгоняют или приспособливают что-л.» – *прокрустовы цели* – *прокрустовы методы* – *прокрустов срок*; *потемкинская деревня* «введение в заблуждение, обман» – *потемкинские произведения*. « – А костюм твой? – перепрыгнула [жена]. Нержин прижмурился и конечно потряс головой. – Где мой? *Потемкинской* функции. На три часа. (Солженицын, В круге первом)»; «После многих по достоинству канувших в Лету «пейзанских» *потемкинских* фильмов, романов и стихов о деревне, слава Богу, появилась настоящая хорошая сельская проза... (Евтушенко, Теплые тени)».

Собранный материал представлен в электронном словаре отфразеологических дериватов, создаваемом на кафедре русского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского.

И.М. Подгаецкая отмечает, что понятие «говорящие» имена толкуются двояко: в семасиологическом плане, в плане «говорящности» основы, и независимо от мотивационной базы имен. Стилистический эффект, несомненно, выше у мотивированных антропонимов. Так, созданные М.Е. Салтыковым-Щедриним экспрессивные производные *пенкосниматель*, *пенкоснимательница* используются в качестве имен собственных в произведении «Дневник провинциала в Петербурге». В нем писатель обрушился на либеральную газету «С.-Петербургские ведомости», заклеив ее редактора кличкой «*пенкоснимательства*». «Старейшая Российская *Пенкоснимательница*»; далее сатирик

говорит уже об обществе «Союз пенкоснимателей», члены которого имеют близнецов в «Московских ведомостях»; о газете «Зеркало пенкоснимателя», еженедельном издании «Обыватель пенкоснимающий», газете «Пенкосниматель нараспашку», журнале «Пенкоснимательная подоплека».

В.Н. Михайлов обратил внимание на необычность фамилии персонажа Сыся Псоича Рисположенского из пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся» [7]. Семантика фамилии перекликается с фразеологическим оборотом *до положения риз* («напиться, напоить и т.п.) до бесчувствия, до потери сознания». Фразема восходит к библейскому рассказу о Ное, который, опьянев, снял с себя одежды. Таким образом, внутренняя форма антропонима представляет собой отрицательную сатирическую характеристику персонажа, дает понятие о моральной основе образа.

Яркий пример антропонима, построенного с учетом ассоциативных связей с тем или иным фразеологическим оборотом приводит Л.А. Климкова: «Одна *Оторвида* осталась, но она резка, резка! Недаром и фамилия многозначная – *Брось, Брось* ее фамилия» (Крупин, Спасение погибших). Создается ассоциация с устойчивым выражением, не названным в тексте отдельно, *оторви да брось*, характеризующим резкого, бойкого человека. Собственно прозвание образовано от этого выражения антропонимизацией и частичным сращением [8, с. 48].

Рассмотрим фраземы, в состав которых входят мифонимы. Так, известно выражение *муки Тантала*. Наказанный богами мифологический герой *Тантал*, стоя по горло в воде и видя висящие на дереве плоды, не мог утолить жажду и голод: вода уходила из-под его губ, а ветвь с плодами поднималась вверх. Устойчивое выражение имеет значение «нестерпимые муки вследствие невозможности достигнуть желанной цели, несмотря на ее близость». Обнаруженный и выделенный шведским химиком А. Экебергом в 1892 году окисел неизвестного ранее металла никак не мог «насытиться кислотами», как не мог утолить жажду мифологический *Тантал*. Именно поэтому Экеберг назвал новый металл *танталом* [9].

А. Вознесенский на базе устойчивого выражения *домоклов меч* (со значением нависшей, угрожающей опасности) создал окказиональное наречие *домоклово*: «Мне снится сон. Я погружен / На дно огромной шахты лифта. *Домоклово*, / неумолимо / мне на затылок / мчится / он!» (А. Вознесенский, Эскиз поэмы).

В рассказе Н. Сухановой «Два белых леса» используется сквозной образ *Сизифа* из известного выражения *Сизифов труд. Сизифова работа* («тяжелая, бесконечная и бесплодная работа»).

Образ, заключенный в устойчивом сочетании, стал основой для философских размышлений рассказчика о том, что «люди и есть *Сизиф*! Что *Сизиф* – *Сизиф* пигмей перед ними! Из века в век вкатывают они камень на гору: рожают, растягивают детей, возделывают землю и мозг – и вот войны, голод, мор, жестокость, смерть и унижение скатывают вниз этот камень, этот комок жизни, души и мысли. И снова люди, обливаясь кро-

вавым потом, тянут, подпирая ободранными плечами, вкатывают в гору жизнь. *Сколько раз втащил камень на гору Сизиф?* Сколько раз в день он его вкатывает в гору? Два, три раза? Сколько тысячелетий? Пять? Пусть десять миллионов раз втащил глыбу на гору *Сизиф*. И все-таки он пигмей перед миллионами этих людей, перед миллионами их лет и усилий». Образ *Сизифа* переосмысливается: мифологический герой становится символом движения жизни. Этот вывод из рассказа Н. Сухановой перекликается с выводом из произведения В. Тублина «Заключительный период»: «Самый великий – это *Сизиф*. Только он. Потому что каждый из нас – *Сизиф*; вопрос лишь в том, у кого хватит терпения без конца втаскивать этот проклятый камень, называемый жизнью, в гору раз за разом».

В тексте А. Злобина «Любой ценой» образ *Сизифа* используется в сатирических целях. В публицистическом произведении приводится словообразовательное гнездо окказиональных лексических единиц, вершину которого занимает мифологический антропоним: *Сизиф*, *Сизифиха* (жена Сизифа), *сизифята* (их дети), «*Подружка Сиззи*» (название ночного кабаре), *сизифон* (новый танец в честь Сизифа), *Сизифстрой*, *НИИСизиф*, *сизиф*.

Связующая функция производного реализуется при развертывании словообразовательного гнезда. Так, в начале пятой главы рисуется картина в соответствии с греческой мифологией: «Стояла гора. И *Сизиф* катил камень по склону горы. Вверх катил – в гору. А ночью камень сам скатывался обратно к подножью горы, и *Сизиф* с утра начинал все сначала, закатывая камень в гору. Слышали небось об этом *Сизифе*, известная личность, прославился не чем-нибудь, а трудом своим».

Боги обратили внимание на покорного *Сизифа*, «исполнительного работника, терпеливого, послушного, неприхотливого», и решили модернизировать гору в духе современного момента. Как пишет А. Злобин, боги послали ему *Сизифиху*, и вскоре один за другим в хижине заголосили *сизифята*. Подрастали помощники *Сизифа*. Вскоре семилетний Ампедокл «приступил к тренировкам на соседнем склоне. Отец сам подобрал ему камень по руке». Пенелопу, дочь *Сизифа*, даже зачислили в штат горы на должность учетчицы, «ведущей самый строгий закатываемых и скатывающихся камней».

Время действия автор переносит в современность. Место действия тоже легко прочитывается. Оказывается, *Сизиф* особенно любил получать тринадцатую зарплату...

С течением времени у главного склона горы появилась вывеска: «Трест *Сизифстрой*» и был образован *НИИСизиф*. Со временем здесь, у горы, вырос город, открылась ночное кабаре «*Подружка Сиззи*» и был изобретен новый танец *сизифион*.

В завершение главы А. Злобин составил перечень современных *сизифов*: *Сизиф* в отдельном кабинете со всеми удобствами, «бруствер из телефонов – его оборонительная линия»;

«*Сизиф* – это я, написавший книгу, а на нее не нашлось читателей, пришлось книгу списывать в макулатуру... Так ведь печатники, пустившие эту книгу в свет, тоже *сизифы*»;

«*Сизифы* на одной обувной фабрике шьют детские ботиночки, а никто те ботиночки не покупает... Они же великие комбинаторы, эти *сизифы*».

Предлагаемый нами «Словарь отфразеологических дериватов русского языка» строится по гнездовому принципу [10]. Приведем словарную статью-гнездо с вершинным фразеологизмом **КОНДРАТИЙ (КОНДРАТ) ХВАТИТ (ХВАТИЛ) кого**. Как отмечают исследователи, выражение связывается с именем предводителя Булавинского восстания на Дону в 1707 г. Бахмутский атаман Кондратий Афанасьевич Буланин («Кондрашка») внезапным налетом истребил весь царский отряд с воеводой князем Долгоруким [11].

КОНДРАТИЙ (КОНДРАТ) ХВАТИТ (ХВАТИЛ) кого.

Устар. Прост. Кого-л. может разбить или разбил паралич. * [Толкачов:] ...Идешь и тарачишь глаза на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя *хватит кондратий* (Чехов, Трагик поневоле. – Т. 7. – С. 112). Ну ты и труханул, я думал, что *кондратий* тебя *хватил*. Побелел аж (Васильев, Выбор. – С. 71). Шли [к парторгу] больные – пособи путевку достать в санаторий, матери – устрой пацана в детский сад... Шли жены пьющих мужиков – приструни его, черта проклятого, чтоб его *кондрат* *хватил*, ханыгу, алкоголика несчастного (Дворкин, Одна долгая ночь. – С. 228).

КОНДРАШКА ПРИШИБ (ПРИХВАТИЛ) кого.

Прост. Внезапно разбило параличом.

КОНДРАШКА ХВАТИЛ кого.

Прост. * [Шеф:] Какой слесарь?! [Трясет Анну Ивановну] Адрес ЖЭКа? Где ваш ЖЭК? [Анна Ивановна недвижима]. Черт побери, еще не хватало, чтоб ее *кондрашка* *хватила!* (Корнев, Черный ящик. – С. 87). Страшная догадка – паралич, *хватил кондрашка?* Так в стародавние времена называли инсульт; может, поэтому и вышло из употребления русское имя *Кондратий* (Воробьев, Охота к перемене мест. – С. 168). Гордый старик не перенес такого рода удара и прожил в отставке всего несколько месяцев: его *хватил кондрашка* (Мамин-Сибиряк, Горное гнездо. – С. 90).

КОНДРА'ТИЙ, -я, м.

Паралич. * Я сел на кровать, к столу, она измерила давление. Немного повысилось: сто пятьдесят на сто. Ага, «*кондратий*» все ближе. Вот что значит поволноваться (Трифонов, Предварительные итоги. – Т. 2. – С. 123). Языкастые бабы баяли, будто она обворовала отца-лавочника Диомида Казанкина, отчего-де он и помер в одночасье от «*кондратия*», и сбежала с Пашкой Бабакиным (Л. Степанов, Звени, город! – МГ. – 1970. – №4. – С. 19).

КОНДРА'ШК/А, -и, м.

То же, что кондратий. * Лежит родитель на полу. Склонился лекарь тут. Промолвил, вздохнув тяжко: – Да. Апоплексия. По-русскому – *кондрашка!* (Мартынов, Домотканая Венера. – Т. 2. – С. 308). Кричал и расстраивался: не так, не так надо! Разве горлом сознательно добьешься? До *кондрашки* доораться можно, а дела от этого не прибудет (Васильев, А зори здесь тихие... – С. 31).

ХРИСТА РАДИ.

Разг. Настоятельная просьба, обращение за милостыней или предложение принять подаяние, милостыню. * А то еще насидеться у порога калекой, а отца-батюшки уж на свете не будет, и никто тебе глотка воды не подаст без попрека, горбушки хлеба без ругани, и, устав брать из руки, запьешь горькую и пойдешь по деревне собирать *Христа ради*... (В. Личутин, Долгий отдых. – С. 289). В дороге где *Христа ради* попросит [Яшка], где возьмет легкой рукой, а в Холмогорах попался, когда потащил с веревки белье... (В. Личутин, Долгий отдых. – С. 242).

ХРИСТАРА'ДНИК, -а, м.

Устар. Тот, кто христарадничает, нищий. * – *Христарадники*, брат, люди божии!.. им помощи, все равно, что Христу помог! (Писемский, Мещане. – III, 10). / *Образно.* * Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал: – На вас не напасешься, на *христарадников!* Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди копай! (Паустовский, Теплый хлеб. – Т. 7. – С. 568).

ХРИСТАРА'ДНИЦ/А, -ы, ж.

Устар. Женск. к христарадник. * – Княгиня сюда заходили и увели ее [нищую] к себе, – скороговоркой пробормотал слуга. – Что же я, силком ее, что ли, держать буду, *христарадницу* эту (Паустовский, Разливы рек).

ХРИСТАРА'ДНИЧАТЬ, -аю, -аешь, *несов., неперех.*

Устар. Нищенствовать, просить милостыню. * «Ходил *христарадничать*, побираться, – подумал Максим. – Манель с этим мешком всегда ходит» (В. Колыхалов, Дикие побеги. – С. 223). «Ты разве можешь нас прокормить? Тут мы хоть и *христарадничаем*, да у родных...» (Трифонов, Нетерпение. – Т. 3. – С. 67).

ХРИСТАРА'ДНИЧЕСТВ/О, -а, *ср.*

Устар. Действие по знач. глаг. христарадничать. * Талантливый актер мог бы с поразительной силой выставить весь комизм этого самодурного смешения Иверской с Иудею, ссылки в Сибирь с *христарадничеством* (Добролюбов, Темное царство. – 2).

ХРИСТАРА'ДН/ЫЙ, -ая, -ое.

Устар. Нищенский, связанный с христарадничеством. * Сюда собирались и беглые графа Салтыкова мужики, и просто юродивые, променявшие хоромное уединение на *христарадное* подзаборное житие (Леонов, Дорога на океан).

Выводы.

1. Собственные имена способны развивать вторичные значения. Вычлняясь из состава устойчивых оборотов, они концентрируют в себе образную семантику фразем.
2. Собственные имена и их производные, мотивированные устойчивыми сочетаниями, являются неотъемлемой частью «Словаря отфразеологических дериватов русского языка», составляемого на кафедре русского языкознания ТНУ.
3. Будучи единицами тезауруса, они характеризуются словопорождающим потенциалом.
4. Технические возможности электронного словаря способствуют ускоренному поиску необходимой информации, гипертекстовые ссылки облегчают работу сравнительно-сопоставительного характера; использование ИНТЕРНЕТа позволяет увеличить объем иллюстративного материала и разнообразить его.

Литература

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
2. Попов Р.Н. Словообразование на почве фразеологических единиц // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – С.53 – 63.
3. Белоусова Т. П. Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., – 17 с.
4. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
5. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004. – 412 с.
6. Петров А.В. Деривационные отношения между фразеологизмом и словом // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 37. – С. 164 – 169.
7. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. – М., 1966. – № 2.
8. Климова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. – М., 1991. – № 1. – с. 45 – 54.
9. Когарко Л. Сделано открытие // Наука и жизнь. – М., 1987. – № 5, – С. 58.
10. Петров А.В. Составление гнездового толково-словообразовательного словаря отфразеологических дериватов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 40. – С. 46 – 54.
11. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
12. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978.